

К вопросу о проблемах формирования спортивного арбитража в России: сравнительно-правовой анализ российской практики и зарубежного опыта¹

Е. В. Кищенко

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: kischenko96@mail.ru

To the Question of the Problems of the Formation of Sports Arbitration in Russia: Comparative Legal Analysis of Russian Practice and Foreign Experience

E. V. Kischenko

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: kischenko96@mail.ru

Аннотация

В статье обоснована актуализация проблемы защиты прав российских спортсменов ввиду санкционного давления, обрушившегося на Россию в последние годы в силу неблагоприятного воздействия политических факторов. Сделан вывод о важности акцентирования внимания на совершенствовании в России механизмов альтернативного урегулирования спортивных конфликтов ввиду того, что именно система спортивного арбитража является наиболее подходящим рычагом защиты в данной сфере. Рассмотрены основные виды спортивных споров и базовые способы их урегулирования. С опорой на правовую практику развитых зарубежных юрисдикций был перенят определенный передовой опыт в сфере формирования учреждений спортивного арбитража. Проанализированы изменения, внесенные в российское законодательство в контексте создания в России нового национального спортивного арбитража. Некоторые законодательные положения были рассмотрены через призму обоснованной критики с последующим предложением альтернативных вариантов решения выявленных проблемных вопросов. Обоснована недостаточная эффективность защиты прав российских спортсменов в международном арбитраже г. Лозанны, который выступает ключевым звеном данного механизма. В то же время предложения о нивелировании примата решений Спортивного арбитражного суда (CAS) на территории России были восприняты излишне категоричным решением. Доказана потребность в разработке более гибкого подхода ухода от монопольной юрисдикции CAS посредством внедрения в саму уставную документацию международных федераций альтернативных способов урегулирования конфликта посредством обращения в CAS или другую уполномоченную международную арбитражную организацию. Кроме того, предложено отказаться от правила о закрытом перечне арбитров CAS, оставив его в силе лишь для председательствующего лица. Данный шаг в перспективе позволит повысить прозрачность и беспристрастность деятельности данного института. Иными словами, более взвешенным решением было бы не категоричное отрицание компетенции CAS в России, а разработка адаптивных вариантов альтернативного характера. Выводы научной работы конструируются на основе комплексной, функциональной, системной и сравнительной методологии.

Ключевые слова: спортивный арбитраж, третейские суды, альтернативное урегулирование спора, регламент Спортивного арбитражного суда, Олимпийский комитет России, клубные лиги, допинг, дисквалификация, санкции против России, Спортивный арбитражный суд (CAS) в Лозанне, НОК, Европейский суд по правам человека, арбитры, дискриминация, права спортсменов, апелляционная жалоба, профессиональный спорт, спорт высших достижений, спортивные федерации.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

Abstract

The article substantiates the actualization of the problem of protecting the rights of Russian athletes in view of the sanctions pressure that has fallen on Russia in recent years due to the adverse impact of political factors. It is concluded that it is important to focus on improving the mechanisms of alternative settlement of sports conflicts in Russia due to the fact that it is the system of sports arbitration that is the most appropriate lever of protection in this area. The main types of sports disputes and basic ways of their settlement are considered. Based on the legal practice of developed foreign jurisdictions, certain best practices in the field of the formation of sports arbitration institutions were adopted. The changes made to the Russian legislation in the context of the creation of a new national sports arbitration in Russia were analyzed, some legislative provisions were considered through the prism of reasonable criticism. Followed by the proposal of alternative solutions to the identified problematic issues. The insufficient effectiveness of the protection of the rights of Russian athletes in the international arbitration of Lausanne, which acts as a key link of this mechanism, is substantiated. At the same time, the proposals on leveling the primacy of the decisions of the Court of Arbitration for Sport (CAS) on the territory of Russia were perceived by an unnecessarily categorical decision. The need to develop a more flexible approach to avoiding the "monopoly" jurisdiction of the CAS by introducing alternative ways of resolving the conflict into the very statutory documentation of international federations by contacting the CAS or another authorized international arbitration organization is proved. In addition, it is proposed to abandon the rule on the closed list of CAS arbitrators, leaving it in force only for the presiding person. This step in the future will increase the transparency and impartiality of the activities of this institute. In other words, a more balanced solution would be not to categorically deny the competence of CAS in Russia, but to develop adaptive alternative options. The conclusions of the scientific work are constructed on the basis of a comprehensive, functional, systematic and comparative methodology.

Keywords: sports arbitration, arbitration courts, alternative dispute settlement, rules of the court of arbitration for sport, Russian Olympic committee, club leagues, doping, disqualification, sanctions against Russia, Court of arbitration for sport (CAS) in Lausanne, NOC, European court of human rights, arbitrators, discrimination, athletes' rights, appeal, professional sports, high-performance sports, sports federations.

На сегодняшний день уже стал аксиоматичным тезис о том, что спорт из сферы сугубо досуговой и рекреационной деятельности человека трансформировался в динамично развивающийся коммерциализированный сегмент экономики. Это полноправный бизнес, выступающий предметной сферой для инвестирования колоссальных финансовых ресурсов.

Данный вывод может быть проиллюстрирован статистическими материалами: согласно докладу PriceWaterhouseCoopers, суммарная прибыль в спортивной индустрии в общемировом контексте в 2022 г. составила порядка 388,3 млрд долларов [6. – С. 115].

Максимизация коммерческой составляющей профессионального спорта неизбежно порождает сопутствующую этому динамику споров в данной сфере. Скорее обыденными, нежели исключительными, являются ситуации конфронтации между спортсменами и различными спортивными организациями. Особую актуализацию они получают в свете масштабных спортивных мероприятий, таких как Олимпийские игры и чемпионаты мира по футболу.

Защита прав граждан Российской Федерации в рамках правоотношений, осложненных ино-

странным элементом, во все времена являлась одним из вопросов, имеющих приоритетное значение.

Однако ситуация в данной сфере заметно обострилась начиная с 2014 г., когда был впервые инициирован вопрос о чередности «санкционных мер» в отношении России от ряда иностранных юрисдикций.

Особое звучание проблема дискриминации по критерию национальной принадлежности имеет именно в области спорта, что дает веские основания для того, чтобы усомниться в тезисе о политической абстрагированности спорта.

Возникает закономерный вопрос о том, наличествуют ли на сегодняшний день действенные механизмы защиты прав спортсменов и располагает ли Российская Федерация такого рода правовыми рычагами, учитывая то обстоятельство, что сфера спорта уже давно преодолела территориальные границы отдельных государств, приобретая глобальный характер. Дело в том, что в подобных новостях фигурирует, как правило, Спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport, CAS) в Лозанне. При этом умалчивается о месте, занимаемом в данном отношении рос-

сийскими судебными органами, и о пределах их юрисдикции.

Перед непосредственным рассмотрением существующих механизмов урегулирования споров в спортивной сфере целесообразно рассмотреть виды спортивных споров как таковых, что позволит глубже понять их сущность.

На этот счет в доктрине отсутствует унифицированная позиция, но заслуживает внимания точка зрения С. А. Ищенко, который предлагает дифференцировать спортивные споры:

- на имеющие технический характер (как правило, разногласия нивелируются в самом соревновательном процессе компетентным судебским корпусом);

- административные споры, субъектами которых выступают непосредственно сами спортсмены, клубы, федерации (в частности, когда идет речь о допуске к соревнованиям или о переходе из одного клуба в другой);

- споры дисциплинарного характера, которые, будучи производными из сферы административных отношений, вместе с тем имеют автономный характер и особую остроту (нишей наиболее частного основания для возникновения разночтений является проблема применения допинга);

- споры по экономическим вопросам, фигурантами которых выступают как отдельные лица, так и клубы, федерации и т. п., если идет речь о необходимости возмещения ущерба, причиненного игроку в рамках соревновательного процесса или, к примеру, если контрактные условия были проигнорированы какой-либо из его сторон;

- наконец, выделяются споры, где разногласия возникают между различными учреждениями в спортивной индустрии (например, между МОК и НОК, между национальными и международными федерациями и т. д.) [5. – С. 33].

При объективном плюрализме возможных модификаций споров в спортивной сфере можно выделить три базисных пути их урегулирования. В рамках первой группы споров арбитром, призванным нивелировать возникший конфликт, является *специализированный орган в составе самих спортивных учреждений* (олимпийских комитетов, клубных лиг и т. д.) по типу третейской структуры. Таковыми выступают, к примеру, палата по разрешению споров при РФС, дисциплинарная комиссия МОК и иные структуры. В то же время, несмотря на некоторые схожие черты,

данные организации не следует отождествлять с системой третейских судов, поскольку их сущностная природа несколько иная и они базируются на внутрикорпоративных положениях и кроме того по порядку своего формирования не согласуются с предписаниями российского законодательства о третейских судах [7. – С. 55].

В данной ситуации основной упор делается на максимальную оперативность и профессиональную «оснащенность» арбитров. Правило о предварительном внутреннем рассмотрении спора обусловлено императивным требованием многих спортивных организаций, а также устоявшейся практикой соблюдения такого порядка перед непосредственным обращением во многие международные арбитражные суды. Не оспаривая несомненных достоинств этого способа разрешения спортивных споров, заметим, что в данном случае недостает некоторой степени объективности, поскольку неизбежно будет сохраняться элемент корпоративной солидарности.

Иные споры в спортивной сфере могут также быть рассмотрены посредством инструментария национальной судебной системы, однако в таком случае вряд ли возможно вести речь о быстром разрешении спорной ситуации и о профессиональной компетентности самого судьи. Невостребованность данного способа защиты прав спортсменов довольно иллюстративно проявляется в разрезе решения вопроса о дисквалификации, например, затягивание процесса может стать причиной того, что решение суда будет уже индифферентно для спортсмена.

Наконец, наибольший интерес в контексте настоящего исследования для нас представляет механизм третейского разбирательства в спортивных спорах. Как было отмечено ранее, нишу наиболее популярного суда подобного характера занимает Спортивный арбитражный суд в Лозанне. В то же время он не является единственным и в данной сфере также функционируют, в частности, Бельгийская арбитражная комиссия по спорту, Национальный спортивный центр по разрешению споров в Австралии, Палата по разрешению споров в области спорта в Италии, Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Спортивный арбитраж при немецкой арбитражной институции, Американская арбитражная ассоциация и пр.

Авторитет данных учреждений объясняется окончательным характером вынесенного решения и оперативностью рассмотрения споров. Здесь

необходимо сослаться на статью 10 Регламента Спортивного арбитражного суда, в которой указано что третейское разбирательство по конкретному делу должно быть завершено в срок не более шестидесяти дней с момента поступления искового заявления, а по спорам, связанным с обжалованием действий и решений физкультурно-спортивных организаций любых организационно-правовых форм и форм собственности, а также всех иных организаций, осуществляющих деятельность в области спорта, должно быть завершено в срок не более сорока пяти дней с момента поступления искового заявления в суд.

В зарубежных юрисдикциях также давно и вполне успешно функционируют специализированные арбитражные институты в области спорта, чьи полномочия в полной мере тождественны имеющимся у третейских судов, а решения обладают правовой силой за пределами государства в силу Нью-Йоркской Конвенции о признании и исполнении иностранных арбитражных решений 1958 г. (например, *The America's Cup Arbitration Panel*, предметная область которого сосредоточена вокруг споров в сфере проведения парусных регат) [11. – С. 88].

Примечательно, что, к примеру, в Италии законодатель изначально сделал обоснованный вывод о том, что спортивные споры чужды системе государственных судов, ввиду чего была сформирована стройная система арбитражных учреждений: Национальный спортивный арбитражный суд и Верховный суд спортивного правосудия, выступающий высшей инстанцией при исчерпании иных механизмов защиты спортивных прав.

Положительно оценим тот факт, что Верховный суд в Италии активно формирует обзоры судебной практики по спортивным спорам, вырабатывая рекомендательные положения и ценные обобщения в рамках рассмотрения сложных дел. Аналогичный подход отражен в правовой практике Бразилии, где слаженно функционируют: Высший суд спортивной юстиции, Дисциплинарные комиссии Высшего суда спортивной юстиции и Суды спортивной юрисдикции, которые формируют автономную систему бразильского арбитража, будучи обособленными от системы национальных судов [9. – С. 75].

Обращение к опыту Франции в данном отношении позволяет выделить сильную сторону системы спортивного арбитража, состоящую в распространенной практике включения в регламенты спортивных федераций механизма «предвари-

тельного согласительного разбирательства», в силу которого стороны имеют возможность уйти от юрисдикции государственных структур, решив конфликт на основе взаимной координации.

Не ставя целью исчерпывающе осветить все тенденции в сфере урегулирования спортивных споров в зарубежных юрисдикциях, уместно резюмировать, что явственно проявляется отсутствие унифицированного подхода к данному вопросу: в одних странах сформирована четкая иерархичная система спортивного арбитража (например, в Италии), в то время как в иных правовых порядках такие споры могут стать предметом рассмотрения как государственного суда, так и арбитража или внутреннего органа спортивной федерации (Франция), а также частных структур, чья деятельность сосредоточена на альтернативной модели урегулирования соответствующих разногласий (такая практика имеется в Англии).

Что касается российского правового опыта, то законодатель признал малоэффективность судебного инструментария в плоскости урегулирования спортивных споров, ввиду чего был принят ряд мер, позволяющих выявить общую нацеленность на делегирование полномочий в данной сфере системы арбитража. Это получило свою объективацию в Федеральном законе от 22 ноября 2016 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части регулирования спорта высших достижений и профессионального спорта».

Однако непонятным остается наименование главы 5.1 «Рассмотрение споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений» рассматриваемого Закона № 396-ФЗ. Почему акцент поставлен именно на профессиональном спорте и спорте высших достижений? Ведь спорные вопросы относительно обоснованности результатов спортивных соревнований, допуска к ним для участия вполне могут возникать в сфере любительского спорта и также должны быть оптимизированы.

Именно данным законодательным актом предусмотрено формирование в России арбитражного учреждения, действующего на постоянной основе при некоммерческой организации. Его органы управления, по замыслу законодателя, должны конструироваться различными субъектами, включая Олимпийский комитет России и спортивные организации. Данная структура является заменой Спортивного арбитражного суда

при АНО «Спортивная арбитражная палата» и Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

При этом показательно, что ранее спортсмены не имели правовой возможности адресовать свой спор на рассмотрение третейского суда ввиду отсутствия соответствующих законоположений. Им не оставалось другого пути, кроме как обращаться в аналогичные учреждения международного характера. Сейчас такая возможность директивно отражена в статье 348.13 Трудового кодекса Российской Федерации. Разработчики законопроекта, которыми были внесены приведенные коррективы, для аргументации своей позиции ссылались помимо прочего, на существенные финансовые издержки (от 10 тыс. евро), длительность рассмотрения (по меньшей мере, 8 месяцев) и не объективное отношение к спортсменам из России в рамках практики международных спортивных третейских судов [1. – С. 32].

Данный шаг многими исследователями и практиками оценивается в позитивном русле ввиду того, что спорные ситуации в спортивной индустрии характеризуются яркой специфичностью, что предполагает наличие определенного уровня квалификации лиц, рассматривающих их. Помимо прочего, отмечается, что тем самым судебная система будет в значительной мере освобождена от объективно лишнего бремени.

В то же время небезосновательно высказываются позиции относительно того, что данные поправки нацелены на монополизацию нового спортивного третейского суда и на максимизацию его предметной компетенции за счет включения в нее трудовых споров в области спорта высших достижений и профессионального спорта. Это чревато рисками появления феномена принудительного арбитража, что совершенно недопустимо [3. – С. 47].

Не случайно обращено внимание на то, что ЕСПЧ сконструировал подход, согласно которому третейская форма урегулирования разногласий, будучи априори основанной на договорных началах, может трактоваться в качестве принудительной. Такая ситуация может возникнуть, к примеру, при включении третейской оговорки в рамочные договоры присоединения, когда другая сторона при присоединении не располагает действенными рычагами преодоления данной оговорки. Между тем именно таким образом предусмотрены российские регламенты по проведению соревнований в игровых видах спорта. Клубы

допускаются к соревнованиям лишь после подписания регламента, который сформулирован по типу договора присоединения, включающего в себя положение о подсудности спора безальтернативного характера.

Таким образом, спортсмены не принимают участия в урегулировании вопроса о разрешении спорной ситуации, будучи вынужденными принять уже установленные правила в рамках подписываемых ими контрактов, правил, регламентов и т. д. К слову, например, в статье 61 Устава ФИФА вовсе вполне однозначно запрещено обращение в государственные суды для разрешения спортивного спора [4. – С. 45].

Согласно позиции ЕСПЧ, даже при восприятии арбитража в качестве принудительного механизма вряд ли уместно вести речь об автоматическом обесценивании такой оговорки, но в то же время в таком случае применимы гарантии, установленные в пункте 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В то же время в условиях российской действительности пока преждевременно ставить вопрос о достижении международных конвенционных стандартов в сфере спортивного арбитража. Подтверждением тому является непоследовательная политика государства в отношении установления требований к арбитрам спортивного арбитража. Если для одних арбитров достаточным является незначительный опыт работы в спортивной сфере, то для иных требуется наличие ученой степени, что не требуется даже для претендентов на должность судьи в системе государственных судов. Кроме того, на сегодняшний день наличие ученой степени не выступает в качестве надежной гарантии высокого профессионализма лица, нацеленного на должность арбитра. Согласно положениям анализируемого Закона № 396-ФЗ, по меньшей мере 1/3 списка арбитров формируется профсоюзами, но при этом умалчивается относительно причастности к данному процессу ключевых фигур рассматриваемых отношений – самих спортсменов.

К сожалению, проблема объективности спортивных арбитражных судов проявляется весьма рельефно, поскольку большая часть списка арбитров формируется при непосредственном участии спортивных федераций и предлагаемые кандидатуры участвуют в делах, рассматриваемых этим же судом [8. – С. 67]. Помимо прочего, часто руководящий корпус арбитражного учреждения, при котором функционирует арбитраж,

формируется при содействии спортивных организаций, что не позволяет вести речь об абсолютной беспристрастности спортивных арбитражных судов.

Мы считаем справедливым обеспечение спортсменов реальным правом выражения своей позиции относительно кандидата, способного максимально объективно урегулировать возникший конфликт. В данном отношении не лишено рационального начала предложение о дополнении части 7 статьи 36.2 Закона № 329-ФЗ указанием на то, что не менее 1/2 списка арбитров формируется при непосредственном учете мнения спортсменов или их представителя.

Имеет также смысл предусмотреть должность представителя спортсменов в спортивном арбитражном суде, на которого были бы возложены функции по контролю за законностью и справедливостью заключения третейских соглашений и избрания перечня арбитров.

В целом же, как видится, вопрос о делегировании трудовых споров к области предметной компетенции новой судебной структуры должен быть проработан более скрупулезно. Сама суть третейской процедуры состоит в урегулировании разногласий коммерческого плана между участниками предпринимательства. Но в России, на контрасте с правовой традицией большинства зарубежных юрисдикций, воспринимающих трудовое право в качестве органически неотъемлемого компонента частного права, между сферой трудовых отношений и областью предпринимательства в доктринальном срезе выстроен четкий барьер.

Вполне вероятно, что для конструирования российского образца механизма третейского урегулирования спортивных споров был воспринят пример неоднократно указываемого ранее суда CAS, который принимает к своему рассмотрению также споры, связанные с контрактными (трудовыми) отношениями спортсменов [10. – С. 32].

Многие исследователи весьма скептически оценивают данное нововведение, считая, что столь упрощенный подход неизбежно породит в будущем проблемы, прогнозирование которых пока довольно проблематично. Так или иначе, избранный вектор реформирования российского третейского законодательства в сфере спорта в целом имеет прогрессивный характер, поскольку новый суд при продуманном подходе способен стать надежным кросс-фундаментом для различных спортивных направлений, защитив многие из

них, ранее не попадающих в сферу действия спортивной юрисдикции ввиду отсутствия специализированных внутренних формирований. В то же время для его эффективного функционирования необходимо внести сопутствующие изменения в действующее законодательство. Так, требует определенности вопрос о механизме признания и приведения в действие решений нового спортивного арбитражного суда относительно необходимости осуществления в данном аспекте содействия национальных спортивных федераций или же данный процесс должен будет подчиняться общим правилам признания и приведения в исполнение решений спортивных арбитражей через посредство инструментария системы государственного правосудия. На данный вопрос пока нет однозначного ответа в связи с отсутствием однозначной позиции законодателя.

Относительно сопутствующего вопроса об изменениях в порядке обращения в CAS, укажем, что данная судебная инстанция согласно уставной документации и регламентам МОК, Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) выступает в качестве конечной, в силу чего порядок рассмотрения международных споров в свете создания нового спортивного арбитража не претерпит каких-либо существенных и значимых изменений, способствующих нивелированию сложившейся негативной ситуации.

Соответствующие федерации должны предметно оговаривать, в каких спорах российский арбитраж может быть конечной инстанцией, однако по вопросам допинга необходимо придерживаться императивов Всемирного антидопингового кодекса, где однозначно указано, что именно CAS является итоговым звеном. В данном вопросе российский арбитраж может занимать срединное положение в случае инициирования апелляционного производства на решение Российского антидопингового агентства.

Для российских спортсменов такое нововведение не только упростит, но и усилит защиту собственных прав, поскольку ранее оспаривание, к примеру, решения Российского антидопингового агентства представлялось возможным лишь посредством обращения в CAS, требующего ощутимых финансовых издержек, в силу чего малый процент решений, принятых в рамках национальной юрисдикции, попадает на рассмотрение CAS.

Показательным здесь является дело КАС 2017/A/5037, предметом которого стала апелля-

ция российского легкоатлета на решение РУСАДА о дисквалификации за нарушение антидопинговых правил. По причине неуплаты императивного третейского сбора апелляция была сочтена за отозванную. В данном отношении полагаем целесообразным внести в статью 16 Закона № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» положение об обязанности соответствующих спортивных федераций принимать участие в софинансировании издержек российских спортсменов при отстаивании ими своих прав в международных учреждениях, поскольку тем самым они отстаивают репутацию своей спортивной федерации. К данной проблеме также необходимо привлечь внимание общественных объединений, созданных для оказания поддержки физической культуры и спорта.

Небезынтересно, что в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект, нацеленный на нивелирование безусловного примата решений Спортивного арбитражного суда (CAS) на территории России (речь идет о нивелировании правовой силы статьи 36.4 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»). Данная законодательная инициатива вызывает широкий резонанс ввиду того, что обширный спектр международных спортивных федераций, а также МОК, безапелляционно признают фактическую монополию CAS на рассмотрение подобных споров. Авторы законопроекта апеллировали к недопустимости преваляирования международного права над национальным в ущерб последнему. В качестве примера приводился эпизод, связанный с отстранением российского гимнаста Ивана Куляка. О степени реализации данной инициативы можно судить сообразно планируемыми в дальнейшем действиям. Если идет речь о стратегии выхода российских спортивных федераций из международных, то в данной ситуации вопрос о полномочиях CAS по умолчанию занимает второстепенное значение. Однако если имеются планы остаться в международных федерациях, при этом отрицая компетенцию CAS, то в таком случае российское законодательство фактически бессильно.

Для непризнания решений CAS в территориальных пределах России достаточным шагом будет даже наработка практики правоприменения. В качестве наглядной иллюстрации приведем дело по иску президента Федерации бобслея России Александра Зубкова к Спортивному арбитражному

суду, которым он был лишен звания олимпийского чемпиона на почве допинга. Он в рамках проведения Игр-2014 в Сочи выиграл две золотые награды. 24 ноября 2017 г. комиссией МОК ему было предъявлено обвинение в несоблюдении допингового режима вследствие обнаружения царепина на его допинг-флаконах и аномального содержания соли в одной из проб. Итоги соревнований были нивелированы, а медали отобраны. CAS был солидарен с принятым решением.

В рамках апелляционного пересмотра дела Московский городской суд пришел к выводам о том, что представленный доказательственный базис недопустим для предъявления столь жестких обвинений и принятое решение вступает вразрез с конституционными постулатами, ввиду чего не имеет какого-либо правового эффекта в территориальных границах России. После принятого решения спортсмен был реабилитирован в своем звании олимпийского чемпиона в пределах России, ему были возвращены полученные на соревнованиях медали, а также пожизненно вновь назначена президентская стипендия, выплата которой была прекращена после решения CAS.

Тем не менее парадоксальность складывающейся ситуации заключается в том, что принятые CAS решения все равно будут признаваться за пределами России без ограничений по времени и без учета других судебных решений по этому вопросу. В качестве альтернативного варианта ухода от монополюющей юрисдикции CAS может выступить попытка закрепления в самой уставной документации международных федераций альтернативного варианта урегулирования конфликта посредством обращения в CAS или другую уполномоченную международную арбитражную структуру [12. – С. 58]. В данном аспекте ценным является предложение В. В. Блажеева – ректора МГЮА имени О. Е. Кутафина – о целесообразности создания новых международных структур по вопросам спортивного арбитража, равно как об усилении внимания к данной сфере в пределах национальной юрисдикции, высказанного на заседании экспертного совета по развитию физической культуры и спорта в Российской Федерации при Совете Федерации.

Им было отмечено то обстоятельство, что практически аксиоматичным стал тезис об утрате МОК своей регулятивной монополии в спортивной индустрии. Имеет смысл продумать функционирование альтернативных рычагов в мировом спорте,

обеспечить проведение соревнований в формате стран БРИКС, ШОС, СНГ.

Имеет смысл также уйти от правила о закрытом перечне арбитров CAS, оставив его в силе лишь для председательствующего лица. Как видится, это повысит транспарентность и беспристрастность деятельности данного института. Иными словами, более взвешенным решением было бы не категоричное отрицание компетенции CAS в России, а разработка адаптивных вариантов альтернативного характера, которые смогли бы найти отклик за пределами страны. Несмотря на открыто политизированный характер многих решений данного суда, нельзя отрицать его неоспоримый авторитет в мировом сообществе, и отказ от него с большой вероятностью запустит процесс долгой самоизоляции России. К тому же антироссийскую направленность деятельности арбитража в Лозанне также нередко откровенно преувеличивают. К примеру, именно Международный арбитраж отменил решение дисциплинарной

комиссии МОК о лишении медалей Игр в Сочи для большой группы наших спортсменов во главе с лыжником Александром Легковым. Равным образом 2020 г. был ознаменован сокращением CAS периода санкций ВАДА в отношении российского спорта с четырех до двух лет. В 2022 г. коллегия арбитров допустила российскую фигуристку Камилу Валиеву до участия на Олимпиаде в Пекине, несмотря на негативный настрой ВАДА и МОК. Безусловно, недавние многочисленные эпизоды отстранения российских спортсменов, команд, федераций от международных турниров ставят вопрос о новых направлениях развития системы управления российским спортом, в том числе и подчинения правилам и нормам международных федераций, их регламентам, а также системе рассмотрения спортивных споров. Каким образом в дальнейшем будет развиваться система спортивного правосудия? Профессиональному сообществу еще предстоит найти ответ на этот вопрос.

Список литературы

1. Балакина А. О. Хождение по лабиринту поправок, или первые итоги реформирования российского арбитража споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений // Журнал Arbitration.ru. – 2021. – № 29. – С. 29–36.
2. Богданова Н. А. Право, применимое к соглашениям о международной подсудности : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020.
3. Васильев И. А. Требование справедливости при разрешении споров в практике спортивного арбитражного суда (CAS) // Образование и право. – 2020. – № 15. – С. 47–57.
4. Воеводина С. С., Тарасенко А. А. Эффективность применения форм разрешения спортивных споров в современных условиях // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2016. – № 12. – С. 43–49.
5. Ищенко С. А. Правовая характеристика и система спортивных арбитражных судов (CAS) в международном спортивном движении // Государство и право. – 2002. – № 12. – С. 32–38.
6. Коваль Д. А. Спортивный арбитраж: особенности и преимущества // Юрист и закон. – 2021. – № 29. – С. 112–117.
7. Погосян Е. В. Формы разрешения спортивных споров. – М. : Волтерс Клувер, 2011.
8. Полухина Р. Э. Правовые аспекты проблем спортивного арбитража // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 12. – С. 67–75.
9. Румянцева А. А. Спортивные споры: зарубежный опыт определения компетенции // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12. – С. 75–83.
10. Соловьев А. А., Понкин И. В., Понкина А. И. Правовое регулирование спорта в Швейцарии. – М., 2013.
11. Филиппов Ю. М. Некоторые проблемы разрешения споров, возникающих из спортивных правоотношений: опыт Великобритании и США // Материалы Шестой международной научно-практической конференции «Спортивное право России: перспективы развития» / под ред. К. Н. Гусова; сост. Д. И. Рогачев, О. А. Шевченко. – М., 2018.
12. Чеботарева Д. А. Проблемы реализации спортсменом права на защиту в апелляционном порядке в Международном спортивном арбитраже в Лозанне (cas/tas) // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 20. – С. 57–66.